

Одиссея капитана Колбасьева

Сергей Адамович Колбасьев — писатель, моряк, энтузиаст джаза. Родился 17 марта 1898 года в Одессе в семье коллежского асессора Адама Викторовича Колбасьева. Семья вскоре переехала в Петербург. По материнской линии предками Колбасьева были мальтийцы, от матери он унаследовал склонность к языкам (он отлично владел английским, французским, немецким и дополнительно изучал шведский и фарси) и, по выражению самого Колбасьева, "романтические" наклонности своего характера. (Его дядя Евгений Викторович Колбасьев — русский изобретатель в области морского дела, капитан 1-го ранга, создал корабельный и подводный телефоны и разработал систему телефонной связи с водолазом, а также способ подводного освещения. Автор оригинальной конструкции плавучей мины и нескольких проектов подводных лодок, в одном из которых предусматривалась установка торпедных аппаратов системы Колбасьева, обеспечивавших залповую стрельбу.)

С родителями для совершенствования в языках ездил за границу (Англия, Франция, Германия, Швейцария).

Из воспоминаний дочери:

"Строить модели кораблей отец начал лет с десяти, построил настоящий флот. У него были модели подводных лодок и катеров, миноносцев и линейных кораблей. Все были выполнены самым тщательным образом: на них были шлюпки, вращающиеся орудия, даже крошечные якоря, а материалом для такелажа служили тонкие волосы. Длина самой большой модели, линкора, не превышала восемнадцати сантиметров. И весь этот флот и моя яхта погибли во время бомбежки в 1942 году, в суровую зимнюю блокаду".

Любовь к морю определила во многом его дальнейшую судьбу. После внезапной смерти отца, по совету дяди — морского офицера, Сергей Колбасьев после шестого класса гимназии Л.Д. Лентовской поступил в Морской корпус.

В начале 1918 Морской корпус был закрыт большевиками, Колбасьев получил справку об окончании и был направлен на Северный флот, где служил переводчиком при миссии союзников. Затем ему пришлось служить и воевать на канонерских лодках и эскадренных миноносцах на Балтийском, Черном, Азовском, Каспийском морях, командовать тральщиком, дивизионом миноносцев. С июля 1919 года по февраль 1922 года Колбасьев занимал ответственные должности в Азовской военной флотилии и в штабе действующей эскадры Черного моря.

Переломным моментом в биографии Колбасьева явилась встреча летом 1921 года в Севастополе с Николаем Гумилевым. По-видимому, и эта встреча была толчком к написанию Гумилевым стихотворения "Мои читатели". Впрочем, как и встреча с Яковом Блюмкиным, убившим германского посла графа Мирбаха.

Старый бродяга в Аддис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копьеносца
С приветом, составленным из многих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над Южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подошел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

Много их, сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда,
Верных нашей планете,
Сильной, веселой и злой,
Возят мои книги в седельной сумке,

Читают их в пальмовой роще,
Забывают на тонущем корабле.
Я не оскорбляю их неврастенией,
Не унижаю душевной теплотой,
Не надоедаю многозначительными намеками
На содержимое выеденного яйца.
Но когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта,
Я учу их, как не бояться,
Не бояться и делать, что надо.
И когда женщина с прекрасным лицом,
Единственно дорогим во вселенной,
Скажет: я не люблю вас, —
Я учу их, как улыбнуться
И уйти, и не возвращаться больше.

А когда придет их последний час,
Ровный, красный туман застелет взоры,
Я научу их сразу припомнить
Всю жестокою, милую жизнь,
Всю родную, странную землю
И, представ перед ликом Бога
С простыми и мудрыми словами,
Ждать спокойно его суда.

В 1921 году Сергей Колбасьев переехал в Петроград, где Гумилев ввел его в круг петроградской творческой интеллигенции, объединившейся вокруг издательства "Всемирная литература".

В феврале 1922 г., по ходатайству наркома Луначарского, был командирован от флота для работы при Наркомпросе в качестве переводчика в издательстве "Всемирная литература". В этом же году Колбасьев входит в литературную группу "Островитяне", выпустившую коллективный сборник стихов с одноименным названием. Затем он издает поэму "Открытое море". На эти издания откликнулся Валерий Брюсов: "С. Колбасьев стремится к простоте речи, хочет действовать на читателя сжатым реализмом своих картин, но очень часто это приводит автора к самой несомненной прозе". Повлияло ли это высказывание на Колбасьева, или нет, но после выхода поэмы он пишет только прозу.

По февраль 1923 г. жил в Петрограде, занимался литературным трудом. Печатал рассказы, стихи, статьи, переводы в "Красной нови", "Красной ниве", "Красном Флоте", "Морском сборнике" и других изданиях. Член Союза советских писателей. Один из первых в стране коллекционеров и пропагандистов джазовой музыки, автор статьи "Jazz" и ряда других.

В 1923 году, благодаря знакомству с семьей Ларисы Рейснер, он устраивается переводчиком в советском посольстве в Кабуле, которое тогда возглавлял муж Л. Рейснер Федор Раскольников.

В этом же году Колбасьев был отозван из Афганистана и направлен в торговое представительство СССР в Хельсинки, где проработал до 1928 года. Именно в Финляндии он увлекся джазом, ему в дальнейшем удалось собрать уникальную коллекцию пластинок с записями джазовой музыки.

Из письма Николая Тихонова Льву Лунцу. Петроград. Октябрь 1923 года:

"...Сергей Колбасьев делал прогулку по Афганистану. Растолстел, как кабульский боров, — поздоровел, привез 1001 рассказ, афганские подтяжки, брюки, анекдоты. В общем, богатый человек, и уже уехал снова: в Гельсингфорс на один год. Жди от него письма. Верочка — слушай, Лева, — вероятно, на днях подарит ему маленького афганца, ребенка, который еще до появления на свет без визы проехал в Азию, обратно, в Финляндию и т. д. Чудо конструктивизма..."

В феврале 1928 г. откомандирован по сокращению штатов в Москву. С марта 1928 г. по апрель 1937 г. проживал в Ленинграде (Моховая улица, д. 18, кв. 6) и занимался литературной деятельностью. Квартира Колбасьевых в Ленинграде стала своеобразным "музыкальным салоном".

Из воспоминаний дочери:

"...А к вечеру обязательно кто-нибудь приходил, и не один, а человека три-четыре, иногда и больше. Не помню дня, чтобы у нас никого не было. Кто только не перебивал в нашем доме на Моховой! Писатели — Николай Тихонов, Корней и Николай Чуковские, Вениамин Каверин, Михаил Слонимский, Борис Лавренев... всех и не вспомнить. Приходили радиолюбители, знатоки и поклонники джаза, художники, композиторы, артисты... Засиживались допоздна, когда отец демонстрировал гостям свои новые пластинки или записи джазовой музыки.

Отец сам собрал проигрыватель для пластинок, как, впрочем, и радиоприемник. От своей аппаратуры он добился чистейшего звучания, не идущего ни в какое сравнение с бытовыми звуковоспроизводящими устройствами тех времен.

Радиоприемник принимал зарубежные станции, которые часто передавали хороший джаз. И тогда у отца возникла идея сделать звукозаписывающее устройство. Эту идею он вскоре осуществил вместе с изобретателем Вадимом Охотниковым. Не вдаваясь в подробности описания аппарата, скажу только, что запись производилась на киноленту, склеенную в кольца. Этот же аппарат и воспроизводил только что сделанную запись с помощью обычного звукокассетного аппарата с иглой. Ничего общего с магнитофоном это устройство не имело.

Последним достижением отца в области радиотехники было устройство для приема изображения. В нем не было даже отдаленного сходства с телевизором. Большой, около 50 сантиметров в диаметре, металлический перфорированный диск, в верхней части которого при вращении возникало на розовом фоне изображение величиной со спичечный коробок.

Мир увлечений отца был необычайно разнообразен. Помимо неизменной страсти к радио и джазу, он увлекался фотографией, авиамоделизмом и даже изготовлением различных игрушек, в том числе елочных, которых в те годы в продаже почти не было. Он прекрасно знал мировую литературу, живопись, музыку. Все, кто с ним встречался, находили в нем интереснейшего собеседника..."

В это время Сергей Колбасьев вступает в Ленинградско-Балтийское отделение Литературного объединения Красной Армии и Флота. Издал книги: "Радиокнижка" (5 изданий), "Поворот все вдруг" (4 издания), "Салажонок" (6 изданий), "Правила совместного плавания", военно-морские повести: "Любительская звукозапись", "Крен", "Хороший Командующий", "Командиры кораблей". (Печатался также под псевдонимом Ариэль Брайс, А. Брайс.) В 30-е годы он пишет "трилогию" — повести "Арсен Люпен", "Джигит" и "Река", в главном герое которой угадываются автобиографические черты. В эти же годы пишет популярные учебники по радиоделу. Выступал с лекциями о джазе, вел передачи на радио. Он один из героев художественного фильма "Мы из джаза" (1983 г.)

9 апреля 1937 года Колбасьев был арестован и Особой тройкой УНКВД 27 октября 1937 года приговорен по ст. 58-6-10 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян 30 октября 1937 года в Ленинграде. (Существуют данные, что Колбасьев погиб позднее, однако эти данные вызывают сомнения.)

В Санкт-Петербурге 30 мая 2007 г. на доме 12 по Моховой улице установлена мемориальная доска с лаконичной надписью — "В этом доме

с 1928 по 1937 год жил Сергей Адамович Колбасьев, писатель, моряк, энтузиаст джаза". К этому еще можно добавить: "конструктор, изобретатель, автор учебников в области радиотехники", — так много он успел за свою недолгую и трагически оборвавшуюся жизнь. Лучше всего об этом человеке сказал, пожалуй, другой знаток флотской жизни и почитаемый моряками писатель — Виктор Конецкий: "Колбасьев любил дразнить гусей".

Торжественная церемония отличалась от общепринятых. Морские офицеры говорили о том, что на книгах Колбасьева воспитывались поколения будущих флотоводцев, руководитель Джазовой филармонии Давид Голощекин — о том, что в созданном им музее, целиком посвященном одному из популярных направлений музыки, первым экспонатом стал портрет Сергея Колбасьева.

Никто не знает, где находится могила Сергея Колбасьева, и мемориальная доска на Моховой заменила надгробный камень.

Ну, а сам писатель наверняка бы откликнулся на ее открытие проделкой в духе Арсена Люпена: наверняка увел бы кортик, который так и не сумел получить, не окончив Кадетский корпус. И еще с удовольствием послушал бы джаз, звучавший во время открытия доски на Моховой.

